

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

В следующий раз Афганистан в моей жизни возник очень скоро. Через 8 месяцев я был назначен начальником разведки во вновь сформированную 88 мсд в г. Кушка. Так я вновь оказался у границы с Афганистаном. Почти 2 года я и моя семья жили в 3 км непосредственно от нее.

Естественно, что в Кушку приходили колонны из ДРА, приезжали отпускники из 5 гв. мсд, большинство семей которых проживали здесь. Наконец, уже и из нашей дивизии стали отправлять «за речку» офицеров, солдат и сержантов, а также боевую технику.

На железнодорожной станции Кушка организовали площадку сбора техники, отправляемой в ремонт и на металлолом. Там находились побитые и покореженные танки, БМП, БМД, БТР. Так что, имелась полная возможность своими глазами увидеть результаты оказания интернациональной помощи афганскому народу и то, как этот народ реагировал на эту помощь.

В конце ноября 1982 года, как раз после похорон Л. И. Брежнева, вызывает меня по телефону ЗАС из Ташкента начальник 1-го отдела разведывательного управления округа полковник В. А. Сапожник. После обычных вопросов о здоровье, службе, он сообщил мне, что командованием решено направить меня в Афганистан начальником разведки 201 мсд, вместо снятого с должности командующим ТуркВО прежнего начальника разведки.

Я сразу согласился, так как попасть в Афганистан хотел давно, еще с момента, когда был там первый раз на

вводе. Я дважды писал рапорты об этом: первый раз еще в Кызыл-Арвате летом 1980 года, второй — в 1981 году. Оба раза начальство отвечало отказом.

Почему я стремился туда? Во-первых, я хотел на практике применить то, чему меня учили всю жизнь. Хотелось испытать себя в боевой обстановке. Мой отец был фронтовиком в Великую Отечественную, деды воевали в гражданскую войну, мне тоже хотелось проверить себя в настоящем деле.

Во-вторых, не хотел я всю оставшуюся жизнь до пенсии сидеть в Кушке, да и в ТуркВО вообще, этих забытых Богом местах. И не мог я спокойно сидеть, когда там, за речкой, кипела настоящая жизнь и делалась история. А в те годы уехать из ТуркВО можно было только через Афганистан.

О том, что я могу погибнуть или стать инвалидом, я как-то не думал. Считал, что если выбрал профессию военного, то она имеет и свои негативные стороны. И почему-то искренне верил в судьбу, которую мне предсказала гадалка. Риск — это постоянное состояние военного человека.

Все это я сообщил жене по приходу домой. Конечно, она не обрадовалась этой новости, но я постарался ее убедить в необходимости этого и дал твердое обещание не погибать.

Надо сказать, что в СССР в те годы неохотно говорили о нашем контингенте в Афганистане. Хотя наша страна вела там самую настоящую войну, народу не говорили правду. Даже гробы, которые периодически оттуда приходили, хоронили без особой огласки и даже запрещали указывать на могилах, что человек погиб в Афганистане. Поэтому советский народ не очень правильно понимал — что же происходит в Афганистане? Ведь пресса и телевидение показывали и рассказывали об успехах стро-

ительства социализма в стране, наших солдат и офицеров, сажающих деревья и помогающим в строительстве домов. Идиллия, да и только!

А что там идут тяжелые бои знали только сведущие, в том числе и я. Ведь мы видели все своими глазами и слышали рассказы очевидцев. Стихи безвестного поэта-афганца опубликованы будут позднее только через добрый десяток лет:

*На Родине тихо, смеются там дети.
Безоблачно небо. Леса там стройны.
Кукушка кукует. Нет счастья на свете
Превыше, чем жить и не видеть войны.
...А в это же время горели в машинах,
Взрывали себя, чтоб не сдаться живым,
Спасали друзей, подрывались на минах
Советские парни... Их память почтим!*

Проводы в Афган устроил скромные, было всего несколько человек: мой друг Алексей Урсатий, командир разведбата Виктор Алексеенко и его начальник штаба.

Поездом доехал до Ташкента, там в разведуправлении я прошел у В. А. Сапожника необходимый инструктаж, получил документы и в ночь на 31 декабря с военного аэродрома «Тузель» в Ташкенте вылетел в Афганистан.

В 201-й ДИВИЗИИ

«ИЛ-18» плывет за облаками в полной темноте. Потом наступил слабенький рассвет. Я посмотрел на часы — мы в полете почти три часа, пора уже снижаться, но самолет вроде и не собирается это делать. Салон полупустой, нас человек 30, в основном офицеры и прапорщики, возвращающиеся из отпусков. По замене нас летит всего двое: я и замполит роты из Кушки лейтенант Ращупкин.

По существующему тогда положению с ноября по февраль включительно замена не производилась. Таких как мы, исключение из общих правил, называли «декабристами». Они обычно переслуживали свой срок, т.к. замена начиналась с февраля. Об этом мне любезно сообщили сразу же в самолете. Но я на это не отреагировал: служить все равно не мало — 2 года, какая разница — месяцем больше, месяцем меньше? Забегая вперед, скажу, что Игорь Ращупкин погиб ровно через 10 месяцев. Он служил в 395 мсп нашей дивизии замполитом мотострелковой роты, в одной из операций получил тяжелое ранение в голову и умер в госпитале.

Наконец в проходе между кресел появился капитан из экипажа самолета и сообщил, что по всему Афганистану низкая облачность, туман и все аэродромы, кроме Кандагара, закрыты. Значит, летим в Кандагар. Через полчаса снижаемся, совершаем посадку в аэропорту. Все. Приплыли. Спускаюсь по трапу и уже второй раз ступаю на землю Афганистана.

Вокруг пусто, никого нет, только ветер свистит. Бетонное здание аэровокзала пустое. Там ходят несколько часо-

вых-афганцев. Никто нас не встречает. Надо что-то делать. Офицеры-авиаторы, летевшие в нашей группе, предлагают ехать в вертолетный полк, находившийся недалеко от аэродрома.

На попутной машине едем в полк. Я, как старший по званию, иду к командиру полка, объясняю ситуацию. Он говорит, что всех 30 человек ему разместить в полку будет трудновато, дает машину и человек 15–20 отправляет в 70 мотострелковую бригаду, дислоцированную километрах в 10 от аэродрома. Нас, 10 оставшихся человек, размещают в ленкомнате казармы батальона обеспечения, ведут в столовую для технического состава, где мы завтракаем.

Ситуация такая: сегодня 31 декабря, на все новогодние праздники до 3 января плановые полеты авиации прекращены, так что улететь в Кабул до этого времени не на чем. Придется 3–4 суток «куковать» здесь. Ну что, торопиться некуда, все мы из Союза летели встречать Новый год, значит — «затарены» под самую завязку.

Новый 1983 год встретили весело: с шампанским и пальбой из пулемета ДШК, расположенном в огневой точке вблизи штаба полка. Из чего я сделал вывод, что поговорка про то, что, где начинается военная авиация, кончается воинский порядок, абсолютно верная.

Полковники И. И. Ильчук,
В. С. Власенков, В. А. Сапожник,
возглавлявшие разведку 40 А
с 1980-го по 1985 гг.
Кабул. Июнь 1984 г.

Полковник
Ю. И. Смирнов,
помощник НР
201 мсд

Однако, столько времени сидеть, как ожидалось, не пришлось. Утром 2 января прилетел заместитель командующего 40 А генерал Крянга (в будущем первый Министр обороны независимой Молдовы). С ним несколько офицеров, в том числе и начальник разведки армии полковник Власенков. Я подошел к нему, представился, попросил взять с собой в Кабул. Самолет-ретранслятор, на котором они прилетели, мог взять человек 7-8, и я в это число попал.

Взлетели, и через час самолет пошел на снижение. Серый Кабул в громадной чаше среди высоких гор. Сверху домики показались маленькими, приплюснутыми, а где же люди живут? Круг над городом и АН-26 приземляется, подруливает к зданию аэропорта.

На аэродроме пересели в вертолет МИ-8, который нас доставил в штаб армии. Власенков мне приказал завтра с утра прибыть в разведотдел, потом вызвал офицера и поручил ему пристроить меня на жилье и питание. Ночевал в общежитии в комнате разведчиков на свободной кровати.

Следующих два дня я работал с документами в разведотделе: изучал приказы, сводки, карты, требования по отчетности, формы документов и т.д. Познакомился с заместителем начальника разведки полковником Иваненковым, офицерами отдела В. Лебедевым, Кузнецовым, Машкиным, Ю. Смирновым и другими, они тоже рассказали мне о кое-каких нюансах нашей работы.

Хочу поподробнее рассказать о Юрии Ивановиче Смирнове, в ту пору старшем лейтенанте. Так уж получилось, что в следующий раз мы встретились с ним в 1988

году в штабе Киевского военного округа, где он был в составе опергруппы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Позже в 1989-91 гг. он, преподаватель кафедры разведки Киевского ВОКУ, был приписан к нашему разведотделу округа и на всех учениях действовал с нами.

Тогда же, в далеком 1983 году, он служил в разведотделе 40 А. До этого больше года был помощником начальника разведки 201 мсд. В 1982 году его взяли в штаб армии вместо погибшего на операции офицера разведотдела майора Б. Сивицкого.

С 1992 года до моего увольнения из армии в 1997 году мы служили вместе. В 1995 году он стал моим заместителем, а после моего увольнения — начальником отдела. В 2006 году уволился в запас, сейчас работает в Государственном комитете по делам ветеранов заместителем начальника одного из управлений. Часто с ним встречаемся и дружим.

Вернемся, однако, в январь 1983 года. Пора было отправляться в дивизию, а это оказалось не так просто.

Надо было еще приехать на пересыльный пункт, расположенный около Кабульского аэропорта, стать там на учет, получить предписание в свою часть, стать на очередь на отправку самолетом. На все это у меня ушло еще 2 дня, и 6 января я, наконец, прибыл в свою дивизию, ставшую мне почти на два года родным домом и семьей.

Немного об истории дивизии.

201 Гатчинская Краснознаменная мотострелковая дивизия ведет свою историю от стрелковых дивизий РККА, сформированных перед Великой Отечественной войной. Имела два формирования.

201 сд первого формирования была создана в марте 1941 года. Принимала участие в битве под Москвой, боевых действиях на Северо-Западном фронте. 25.10.1942 г. она была переформирована в 43 гв. Латышскую сд и дальнейший путь прошла под этим названием.

201 сд второго формирования была сформирована на Ленинградском фронте 01.06.1943 года из отдельных бригад, участвовавших в обороне Ленинграда.

Основу дивизии составили:

- 122 стрелковый полк из 27 пограничной бригады НКВД;
- 92 стрелковый полк из 13 бригады войск НКВД;
- 191 стрелковый полк из частей береговой обороны КБФ.

Дивизия участвовала в прорыве блокады Ленинграда, освобождала города Гатчину и Лугу, за что в 1944 году получила почетное наименование «Гатчинская» и награждена орденом Красного Знамени.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны участвовала в разгроме фашистских войск в Прибалтике.

После окончания войны дивизия передислоцируется в Таджикистан.

В 1947 году дивизия переформируется в 325 огсбр, а в 1948 году вновь развертывается в 201 горно-стрелковую дивизию.

В 1958 году дивизия перешла на штаты мотострелковой дивизии сокращенного состава, какой и была до декабря 1979 года.

С 24.12.1979 г. дивизия была укомплектована по штатам военного времени и переброшена в г. Термез. В соответствии с Директивой МО СССР от 21.01.1980 № 314/1/00160 201 мсд передана в состав ТуркВО из САВО. Начала ввод в Афганистан 14 февраля 1980 г. через понтонные мосты в районах Хайратона и Айваджа. Забегая вперед, скажу что 04.05.1985 г. дивизия была награждена вторым орденом Красного Знамени.

Из ДРА была выведена последней в 40 А 15 марта 1989 г. Самой же последней частью, вышедшей из ДРА

вместе с командующим 40 А генералом Б. В. Громовым был 783 отдельный разведывательный батальон под командованием подполковника А. С. Евтодия, ныне проживающего в г. Киеве. Вот в такой дивизии мне пришлось служить и воевать.

Представился командиру дивизии полковнику М. Е. Шатину. Он на два года раньше меня закончил академию БТВ, кроме того, он выпускник Харьковского гв.танкового командного училища, учился на курс раньше меня. Небольшого роста, рыжий, плотный, но подвижный. Служили мы с ним недолго, буквально через месяц он уехал в Союз по замене. Встретился я с ним в следующий раз только в 1988 году в Киеве.

Он был заместителем командующего 6 ТА в Днепропетровске, генерал-майором. В 1994 году внезапно умер в возрасте 46 лет, в этом городе и похоронен.

Далее знакомство с заместителем командира дивизии полковником И. Е. Пузановым. Он мой ровесник, в этой должности служил 1 год, до этого был командиром 149 гв. мсп со времен еще ввода в Афганистан. Отзывы в дивизии о нем были неплохие. С ним довелось служить мне тоже недолго — около 3 месяцев. Отслужив более 3 лет в Афганистане он по замене уехал в Сибирский ВО командиром дивизии. Далее Военная академия ГШ, командующий армией, Московским военным округом, заместитель министра обороны. Последняя его должность в ВС РФ

Полковник М. Е. Шатин,
командир 201 мсд
1982–февраль 1983 г;

Генерал-полковник
И. Е. Пузанов,
командир 149 гв. мсп,
зам. командира 201 мсд
в 1979–1983 гг.

— командующий войсками Ленинградского ВО, генерал-полковник. Сейчас уже в отставке. Депутат Государственной Думы России.

Более детально со мной беседовал мой непосредственный начальник — начальник штаба дивизии полковник Чернов Валерий Иванович. Он рассказал историю дивизии, проблемы и трудности, первоочередные задачи, расспросил меня о моей службе. Удивлялся, почему я ушел из полка. Я не стал вдаваться в подробности, что-то пробормотал про свою любовь к разведке и он больше не касался этой темы.

Служил я с ним 19 месяцев из тех 23-х, которые был в Афганистане, т.е. почти 85% всего времени. Надо сказать, что отношения у нас всегда были хорошими, и он меня уважал. Осенью 1984 года он поступил в Академию ГШ, потом командовал дивизией в Германии, был начальником общевоинского училища им. Кирова в Ленинграде. Закончил службу генерал-лейтенантом, заместителем командующего ЛенВО по ВВУЗам.

Пошел принимать дела и должность в разведывательное отделение. Познакомился со своим предшественником и офицерами.

Расскажу о тех с кем, как говорит Устав, я должен был «стойко преодолевать все тяготы и лишения воинской службы.»

Подполковник Захаров Рифат Семенович, самаркандский татарин. Худощавый, небольшого роста, аккуратно, и я бы даже сказал, тщательно одетый (не в пример мно-

гим). Он рассказал о себе, представил офицеров отделения, их немного — всего трое.

Старший помощник майор Булдык Николай Иванович, предпенсионного возраста, кличка «Боец невидимого фронта». Под таким заголовком вышла в дивизионной газете статья о нем, где корреспондент Миша Сыртланов написал о нем такую чушь, что все кто знал Булдыка, держались за животы. Но это было немного позже.

Помощник по фотодешифрованию капитан Андрей Штыканов. Мне его сильно напоминает капитан Ларин из известного сериала «Менты». Очень похож был и внешне и по манерам. Осенью этого же года уехал по замене в Кантемировскую дивизию, откуда и приехал. Через 7 месяцев, в августе, когда погиб начальник разведки 122 мсп майор Бондаренко, я предлагал ему эту должность, но ему надо было переслужить еще полгода. Он отказался, уехал и больше я о нем ничего не слышал.

Переводчик старший лейтенант Якубов Намоз-Али Мадисоевич, двухгодичник, худощавый симпатичный таджик, бывший школьный учитель. Очень спокойный и выдержанный, немногословный, храбрый и мужественный человек, несмотря на такую мирную профессию. Я с ним служил дольше всех — до сентября 1984 года. Почти всегда он был рядом и все что прошел я, прошел и он.

Я часто вспоминаю его, он уроженец и житель Куляба, а там, в 90-х годах шла гражданская война. Думаю, что не обошла и его. Хотелось бы надеяться, что он и его семья живы и здоровы.

Захаров рассказал мне свою историю, почему его сняли с должности, хотя, по его словам, дела у него шли неплохо. Все у него было гладко, пока его не взяли за одно место особисты. Оказывается, Рифат Семенович был большим любителем трофеев. У разведчиков какая особенность? Первые пули тебе, но и все трофеи твои.

Подполковник
В. Е. Шпилевский,
начальник разведки
201 мсд

Капитан
А. В. Жуков,
начальник штаба
783 орб

Старший лейтенант
Н. Р. Шигин,
пом. НР 201 мсд по
фотодешифрованию

Зато первый кавалер в гарнизоне. Местные дамы были от него без ума. На этом и погорел. Дело вышло громкое, судить не стали, но командующий войсками округа приказал отправить его в Союз. Судили судом чести, врубили строгий выговор по партийной линии и отправили назад в Самарканд на майорскую должность.

Вообще разведчикам в 201 мсд не везло. Первый начальник разведки дивизии в Афганистане подполковник В. Е. Шпилевский погиб 19.11.1980 года в ночном бою у кишлака Кучи под Кундузом.

Второго — подполковника Рыженко сняли в комплексе с комдивом полковником В. А. Дрюновым в 1981 году и отправили с понижением начальником разведки 860 омсп в Файзабад. Третий — Захаров, прослужил в дивизии чуть больше года.

Я, стало быть, четвертый за три года. Многовато, конечно. Кроме того, во всех Вооруженных силах СССР стал известен случай, описанный в секретном издании «Боевые действия в горах» 1981 года, когда 3 августа 1980 года три роты 783 разведывательного батальона дивизии, выдвигаясь на помощь батальону 149 гв. мсп в кишлака Яварзан сами попали в «духовскую» засаду у кишлака Шаеста,

что южнее Кишима километров 15. Там погибли 45 человек, из них 7 офицеров: начальник штаба батальона капитан Жуков, помощник НР дивизии старший лейтенант Шигин, командиры взводов старшие лейтенанты Сериков, Буров, Лось, Шерстюк и артиллерийский корректировщик от артполка, фамилии которого я, к сожалению не знаю. Кроме того было ранено 49 человек.

Командование дивизии, как всегда, тогда попыталось найти «стрелочника» и во всем обвинило командира батальона майора А. К. Кадырова, участвовавшего в этом бою. Однако командование 40 А нашло фигуру «покрупнее» и с должности «полетел» не только он, но и начальник штаба дивизии полковник Д. Стасюк.

Капитан
П. В. Коротный,
командир 783 орб
февраль 1985-сентябрь
1986 г.

БМП и место гибели командира разведроты 149 гв. мсп старшего лейтенанта Б. А. Наметова и 11 разведчиков. Ноябрь 1982 г.

Старший лейтенант
Б. Наметов,
командир
разведроты
149 гв. мсп

Забегая вперед, хочу отметить, что и в последующем в батальоне были относительно крупные потери.

Так 03.05.1984 года попали в засаду и погибли 9 человек, в том числе 3 офицера.

Позднее, летом 1986 года (точнее 17.06.86 г.) при высадке вертолетного десанта в районе к. Ишкамыш в провинции Баглан, из-за ошибки летчиков десант «промахнулся» на 17 км и был высажен непосредственно на «духовскую» базу.

Разведчики попали под сильный пулеметный и минометный огонь. Был сбит один вертолет, убито 19 человек, около 40 ранено. Командир батальона капитан П. Корытный получил тяжелейшее ранение в голову, потерял глаз и был впоследствии комиссован из Вооруженных Сил.

Кроме того, буквально за полтора месяца до моего приезда подорвалась на mine БМП разведроты 149 гв. мсп, погиб командир роты старший лейтенант Борис Наметов и 11 разведчиков.

Кстати сказать, уже в 1985 году случай с подрывом БМП в разведроте 149 гв. мсп повторился, при этом погибли командир взвода лейтенант Кильдышев и 7 солдат.

А в июле 1984 нелепый случай унес жизни 5 солдат-разведчиков этой же роты. Танк, обходя стоявшую колонну БМП разведроты на полной скорости ударил заднюю машину, БМП стали бить друг-друга и солдаты, завтракавшие между ними погибли. Плюс одиночные и групповые потери в меньших масштабах.

Я тут недавно подсчитал и составил пофамильный список погибших только офицеров-разведчиков дивизии в 1980–1985 годах. Так вот, в этом списке 30 человек. А с учетом действовавших с ними вместе артиллеристов, саперов, авианаводчиков — 35. Причем прапорщик всего один. Скорее всего, это случайность, т.к. большинство их ходили на боевые операции наравне с офицерами, человек 5 было ранено, причем некоторые тяжело, стали инвалидами. Но вот такая статистика.

Погибших солдат я, к сожалению, далеко не всех могу назвать по именам, так как их было слишком много, по моим подсчетам более 100 человек. Помню всего несколько солдат и сержантов, погибших на моих глазах. Что ж, разведка всегда несла высокие потери и это не секрет.

После представления начальству пошел в разведывательный батальон. Представился самостоятельно, так как ждать пока начальник штаба дивизии Чернов это сделает, было некогда. Дело не ждало.

Командир батальона майор В. Н. Воробьев, бывший начальник разведки 149 гв. мсп. Полгода назад был назначен вместо комбата майора А. П. Кривенко, боевого офицера, кавалера двух орденов Красной Звезды, убывшего по замене в Одессу.

Воробьев был неплохим офицером, но, на мой взгляд, несколько слабовольный. В батальоне бытовало пьянство среди офицеров и прапорщиков, в одежде, какая-то махновщина. Сразу видны результаты деятельности бывшего начальника разведки дивизии Захарова, а вернее — его бездействия.

Захаров — офицер лично храбрый, но безразличный как к службе, так и к разведке. Главная задача у него была — добыть ценные (не в разведывательном смысле, а в прямом) трофеи.

Был у него и боевой адъютант — командир взвода старший лейтенант Яхья-Заде, азербайджанский абрек, по сути и по внешности. Мне потом рассказывали, что Захаров, взяв взвод Яхья-Заде, под видом разведывательно-поисковых действий часто выезжал в пустынные районы, где они «бомбили» проходящие караваны. В горы не ходили, слишком еще была сильна память о кишлаке Шаеста. А в степи, что может противостоять БМП? Правильно — только другая БМП. А у «духов» их не было.

Через пару месяцев после отъезда «шефа» нашел свою пулю и Яхья-Заде. В Баглане на одной из «чисток» получил тяжелое ранение в голову, долго лечился и конце был комиссован по ранению. Это один из немногих офицеров-разведчиков, кого я вспоминаю не особенно добрым словом.

Так что, положение дел не было блестящим. Что же делать? Начал так, как учили. Принцип такой: не знаешь, как поступить — делай как должен. Провел пару строевых смотров, привел в порядок сначала офицеров. Заставил их

Кундуз

вспомнить об уставах, своих обязанностях. В принципе, они все ребята нормальные, но узду отпускать никогда нельзя. Заставил их навести внутренний порядок в ротах, привел к норме внешний вид.

Некоторые скажут: на войне не это главное, ответу — в армии это всегда главное. Разгильдяй никогда не сможет хорошо воевать, даже храбрые поступки совершаются ими больше в истерике или просто по собственной везучести. Только дисциплинированные, надежные люди могут достойно выполнить боевую задачу.

Часто вспоминал своего первого комбата в Германии подполковника И. Р. Звицевичуса: мы, молодые лейтенанты, побаивались его за строгость, но искренне уважали и стремились быть похожими на него. Вот кого бы сюда. Однако, ничего, справились и сами. Начальник штаба батальона капитан Николай Турбанов, замполит капитан Багдасаров, командиры рот — мои ближайшие помощники в наведении порядка.

Через 2–3 дня после своего прибытия поехал в г. Кундуз знакомиться с советниками всех мастей: партийными, хозяйственными, госбезопасности, МВД и прочими.

Город на меня впечатления не произвел: обычный провинциальный городишко, скорее большой кишлак, только в центре несколько двухэтажных зданий из кирпича. Познакомился со старшим военным советником зоны — генерал-майором Воливачом, множеством афганцев — начальников всех мастей. Никого из них я, конечно, не запомнил, так как они для меня все были на одно лицо, по крайней мере, еще месяца три.

Все было как в нехитрой песенке, сложенной местными бардами из 201 мсд:

*Кундуз, Кундуз — периферия.
Аллах тебя не видит свысока.
Капризная фортуна навек тебя забыла,
Ведь ты стоишь у черта на рогах.*

Через пару недель, когда я уже полностью вошел в курс дел, то сделал для себя не совсем приятный вывод. Выжить в этих условиях 2 года практически невозможно! Ведь только за эти две недели я уже раза 4 попадал под обстрел на дороге, где вокруг свистели пули, раз 5 вылетал на вертолете на БШУ (бомбоштурмовые удары), причем дважды мы попадали под огонь «духовских» зенитных пулеметов ДШК. Под Северным Багланом впереди идущая БМП подорвалась на mine, никто не погиб, но 5 человек получили ранения и контузии. Все это навело на невеселые мысли, что рано или поздно придет и мой черед.

Ну, что же делать? Свою судьбу я выбрал сам и надо достойно идти до конца. Скажу честно, что первый год я жил и воевал с мыслью: вы (то есть «духи») меня убьете, но и я вас положу немало.

С этим было как-то веселее жить, и я вовсю внедрял в жизнь этот свой принцип. Забегая вперед, скажу, что даром мы свой хлеб не ели. За эти два года нами было уничтожено 10 главарей банд: Махмаджан Пахлаван, Арбоб Хайдар, Царанвол, Джайлани, Мулло Исхак, Гулям Сохи, Кучкар, Клыч, Гулям Ортабулаки, Араб Бача. Взяли в плен 4-х главарей: Мулло Саиджана, Гаюра, Вали, Амира. С тех пор прошло уже 25 лет, но их имена я помню, как будто это было вчера.

В феврале произошла замена почти всего командования дивизии: вместо полковника М. Шатина прибыл из Калининграда командир 1-й Московской Пролетарской мсд полковник Шаповалов Анатолий Александрович; заместитель комдива полковник И. Е. Пузанов уехал командиром дивизии в Сибирь. Начальник политотдела полковник Игнатов стал начальником Новосибирского ВВПУ, вместо него назначили его заместителя подполковника В. Г. Добровольского

Новый командир дивизии Шаповалов был опытным служакой. Дивизией в Калининграде он командовал 4 года, а это была развернутая дивизия с интенсивной боевой подготовкой. Было ему 47 лет, высокий, сухощавый, энергичный.

Не знаю почему, но сначала я ему не «показался», и он начал меня потихоньку «прижимать». На военной службе, если командиру не понравился подчиненный есть всегда возможность сделать жизнь того «кислой». И способов для этого — множество. Я уже начал подумывать, что моя служба с ним, а ведь приехали мы почти одновременно, будет долгой и нелегкой.

Однако мне внезапно повезло. В марте по плану командующего ТуркВО проводилась проверка дивизии, и командующий 40 А генерал-лейтенант Ермаков решил провести со штабом дивизии командно-штабное учение на картах. На этих учениях я отличился, мне, единственному в штабе, командующий поставил оценку «хорошо», остальные начальники получили «удовлетворительно» и «неудовлетворительно». В разборе и акте проверки это было отражено. Дело в том, что я, недавно прибывший из Союза, очень добросовестно отработал все документы учения и подготовил доклады.

Опыт у меня был, в Кушке такие мероприятия проводились постоянно, приходилось докладывать даже командующему войсками ТуркВО генерал-полковнику Максимову, поэтому я все доложил как надо и заслужил одобрение командующего армией.

Генерал-лейтенант
А. А. Шаповалов,
командир 201 мсд
в 1983–84 гг.

Остальные мои коллеги посчитали командно-штабные учения в зоне боевых действий дурью начальства и подготавливались кое-как. Отсюда и результат. Комдив мне не только объявил благодарность, но и заужал. Я тоже старался быть этого достойным и мы с ним прослужили почти 21 месяц, как говорится, душа в душу.

По его представлениям я был награжден 3 орденами, он поддержал мою инициативу по присвоению звания Героя Советского Союза командиру 3-й роты орб Игорю Плосконосу.

Далее в очерке «Дарваза» более детально рассказывается о его роли, когда армейское начальство меня захотело сделать «стрелочником», а он не дал. И моя жизнь, возможно, пошла бы совсем не по тому сценарию, что сейчас.

Самими важными качествами, которые вызывали у меня уважение в нем, это его личная храбрость и умение слушать подчиненных. Не боялся ничего, иногда лез туда, куда бы не то, что генерал, командир батальона бы не полез. Ниже я расскажу о нескольких таких примерах. Другое — решение принимал хоть и самостоятельно, но к дельным советам всегда прислушивался, это пресловутое армейское «люминь» не признавал.

Заменился он в Союз через 2 месяца после моей замены — в январе 1985 года и был назначен командиром 32 АК в Ашхабад.

Через год стал советником Министра обороны Афганистана. После вывода наших войск — командующим 7 А в Баку. Далее — 1-й заместитель командующего войсками Приволжского округа. Сейчас в отставке, живет в Самаре, является председателем областного комитета ветеранов. Награжден 8 советскими и 6 афганскими орденами.

Недавно в Интернете прочитал, что ему в 2007 году было присвоено звание Героя Советского Союза, к ко-

тому он был представлен за операцию с Джумаханом, в которой участвовал и я, но по каким-то причинам его награждение звездой Героя тогда не состоялось. Я этому искренне рад, он достойный человек, побольше бы было таких.

А тут очередная смена командования и в разведке. По замене в июле 1983 года прибыл новый командир батальона майор Тихонов Валерий Николаевич. Ну, всем хорош! Правда, настораживало то, что из «репрессированных». То есть был старшим офицером Разведывательного управления штаба Ленинградского ВО, потом снят с должности и назначен командиром разведбата в Вологду, где прослужил около 1 года. Закончил разведывательный факультет военной академии им. Фрунзе в один год со мной. Причина понижения в должности — развод с женой. Я думаю, что не это было главной причиной, мало ли, кто с кем ни разводился. За это с должности не снимают. Однако больше об этом спрашивать не стал.

И начались боевые будни. Обычно мой день, если не было рано утром боевого выхода, начинался с 6.00 в центре боевого управления дивизии (ЦБУ), где я собирал информацию об обстановке в зоне ответственности: деятельности банд за ночь, результатах наших проведенных засад и других разведывательных действий. Потом ехал в Кундуз на ежедневную координационную встречу с представителями разведки других ведомств: МВД, КГБ, советнического аппарата. Там делились данными о бандах, намечали, где сосредоточить усилия и кого в первую очередь уничтожить. По возвращению готовил обобщенную справку, которую докладывал или комдиву, или начальнику штаба.

Часто с переводчиком нам приходилось вылетать на бомбоштурмовые удары (БШУ) на вертолетах. Агентурщики привозили афганца-наводчика, мы садились в командирский вертолет, он показывал цели, вертолеты на-

Колонна пленных душманов

носили удары. Я специально количество таких вылетов не считал, но думаю, что их было не менее 100. Нередко в ходе БШУ вертолеты подвергались обстрелу с земли из пулеметов ДШК. Были случаи поражения вертолетов переносными зенитно-ракетными комплексами (ПЗРК). И если при поражении из пулемета был шанс совершить вынужденную посадку, то при попадании ракеты не помню случая, что кому-либо удалось спастись.

Вечер обычно был посвящен планированию разведки и организации взаимодействия на следующий день.

Часто приходилось выходить на реализацию разведывательных данных, (намного позже, уже в Чеченскую войну это будут называть «зачистками») которые были одной из основных форм боевых действий в Афганистане. Мы выходили в 3-4 часа утра, в установленном месте брали на броню солдат Царандоя (войска МВД) и выдвигались к объекту нападения. Зачастую к этому объекту с вечера выходила пешая группа, которая выставляли засады на

путях возможного отхода мятежников. Услышав рев двигателей БМП, душманы выскакивали из домов и уходили из кишлака. Тут они и нарывались на засаду. Далее мы окружали кишлак и «зеленые» (так мы звали афганцев) прочесывали его в поисках схронов и оружия.

Помню, в одном из первых моих разведывающих выходов в уезде Чардара под Кундузом, мы захватили группу душманов, 6 человек.

Услышав гул двигателей, эта группа на лошадях вскочила из кишлака и поскакала к горам, до которых было около 1,5 километров. Но тут же налетела на засаду, двое были убиты, остальные вынуждены были сдаться. Главарь моджахедов, молодой мулла лет 25-ти, дал ценные сведения, по результатам которых мы провели несколько авианалетов.

Практика показывала, что эффект был только тогда, когда была внезапность. Иногда для достижения этого применяли вертолетные десанты. Правда, начальство шло на это неохотно, так как была высока опасность поражения вертолета при посадке и на взлете. Такие случаи были не единичными.

28 апреля, в день 5-летия Саурской (Апрельской) революции, я с переводчиком был на мероприятиях в центре Кундуза на площади, которую все афганцы называли «Чавка» (Круг). Играла музыка, было много народу. Ждали прибытия руководителей провинции. Мы стояли около БТР, я с интересом рассматривал толпу. До этого мне не приходилось видеть афганцев на празднике: как они поют, танцуют, играют на национальных инструментах. Естественно, что были одни мужики, а женскую часть населения представляли ученицы лицея в черных форменных платьях и белых колготках.

Вдруг раздался сильный хлопок похожий на выстрел. Все схватились за оружие. Что, где? Смотрю, шагах в 20 от меня стоит прислоненный к стене велосипед, на багаж-

нике привязан небольшой тюк. Тюк этот разорван и слегка дымится. Тут же подбежали афганцы из ХАД (госбезопасность), размотали этот тюк и нашли в нем килограмма 1,5 тротила, будильник, провода, батарейки, электродетонатор. Короче — самодельное взрывное устройство. В назначенное время оно сработало, но детонатор не был вставлен в гнездо тротиловой шашки и заряд не взорвался. Одно из двух: либо детонатор выпал из заряда пока его везли к месту диверсии, либо душманы решили поугагать местных жителей. Вот мол, мы какие — все можем, но убивать пока никого не будем, только предупреждаем.

Я представил себе, что бы тут стало, взорвись этот заряд. Вероятно, что моя афганская война на этом бы и закончилась, мы бы все погибли. Заряд был прислонен к стене, и вся сила взрыва была направлена на нас.

Настроение у меня от этого испортилось, и смотреть на праздник уже не хотелось. Мы сели на БТР и поехали в гарнизон. Народ потихоньку стал разбегаться.

Но не тут-то было. Царандой (милиция) пошли по дворам и стали опять сгонять людей на стадион, где начинались основные мероприятия. Только собрали, душманы ударили по стадиону из миномета. Положили 5–6 мин прямо на футбольное поле. Убитые, раненые, паника, народ в страхе разбегается! Вот так мы встретили этот праздник.

Увидел и первых убитых: и афганцев, и наших. Тогда меня интересовал вопрос: тяжело ли выстрелить в человека?

Однозначно здесь сказать нельзя: зависит от многого и, прежде всего, от умения хладнокровно действовать в боевой обстановке, ну и, конечно, от психологического состояния солдата и его готовности в выстреле в человека.

В армии США, например, действует девиз — «Сначала стреляй, потом разбирайся». Может это и цинично,

но правильно. Если, конечно, жалеешь своего солдата. В нашей же армии действовал другой принцип: командиры и особенно политработники страшно боялись всяких ЧП. И особенно всего, что было связано с убийствами мирного населения. Не скажу, что таких фактов не было, но как в боевой обстановке отличить врага от мирного жителя?

Однако шли постоянные директивы и приказы, где требовалось исключить такие случаи, и применялись суровые наказания. Ведь писали эти директивы люди, сидевшие за 4 тысячи километров от войны и даже не представлявшие реальных условий. И наши заинструктированные солдаты и офицеры иногда теряли свои жизни за промедление в открытии огня.

Очень хорошо помню случай, произошедший летом 1984 года в нашей дивизии. Мотострелковая рота 395 мсп прочесывала район в Андарабской долине в поисках пропавшего нашего солдата. Искали уже больше недели, жара под 50 градусов, все вымотанные до предела. Рота цепочкой медленно идет по дну ущелья. Командир роты, оглядывая в бинокль окрестности, заметил вверху по склону хижину. Думая, что это жилище пастухов, он посылает двух солдат осмотреть ее. Причем, послал не вместе, а с разных направлений, что было, вполне тактически грамотно.

Первый солдат, русский по национальности, первым поднялся на площадку, но, услышав выстрелы, спрятался за камень и увидел, что хижина, которую им поручили осмотреть, — это окраина кишлака домов в 20-30, который было невозможно разглядеть снизу. Спинай к нему стоит душман и из автомата стреляет в его товарища-таджика, который тоже спрятался за камни и что-то кричит на своем языке «духу». Так вот, вместо того, чтобы вцепить очередь в спину душману, как это сделал бы любой американский солдат, наш кричит по-русски «Бросай оружие!». Тот по-

вернулся и, увидев направленный на себя автомат, бросил свой и поднял руки. Солдат-таджик, увидев это, встал из-за камней, подошел к «духу» и начал с ним разговаривать.

Дальше рассказываю словами солдата, с которым мне пришлось потом говорить.

«..я не стал к ним подходить, а подошел к ручью, протекавшему рядом, опустился и стал пить из него. Подошли два подростка: мальчишка лет 14 и девчонка лет 10–12-ти. Мы попытались как-то объясниться, тем временем вижу, что «дух» поднял автомат с земли и повесил его на плечо, продолжая разговаривать с таджиком. Вдруг слышу выстрелы и сразу пацан кинулся на меня, схватился за автомат, пытается его вырвать. Девчонка же схватила камень и попыталась ударить меня по голове. Я как-то увернулся, упал с пацаном на землю и мы покатались по склону. Пацан отлетел в сторону и тут около меня засвистели пули. Я спрятался за камни и тоже начал стрелять. Когда подбежали наши солдаты и мы поднялись вверх то увидели убитого солдата-таджика, оружия при нем не было. В кишлаке было несколько стариков и женщин, которые визжали и вопили и не отвечали ни на какие вопросы. Ни душмана, ни подростков не было».

Я говорю солдату: «Ты понимаешь, что твой товарищ погиб из-за тебя? Ведь застрели ты душмана ранее, он остался бы жив?». Тут он мне и отвечает: «..я думал, может быть, он из банды Джумахана, нашего союзника и не решился стрелять..». Я уже разозлился, говорю: «Какое твое дело, кто он и откуда. Ты видел, что он стрелял в твоего товарища, — значит, он враг, и ты был его обязан убить. А вот теперь ты жив, а товарищ поедет в «цинке» домой». И тогда солдат признался: «Я никогда не стрелял в живых людей, только по фанерным мишеням, а это разные вещи». Что тут скажешь! Детский сад. Набрали детей в армию, а молока не дают!

К счастью, не все были такими, иначе нам делать бы было нечего в Афганистане.

Командир взвода старший лейтенант Сергей Читалкин в кишлаке Кучи пробираясь по задворкам увидел 4-х душманов, стоящих к нему спиной и наблюдавших за действиями наших солдат. Они не видели его, и он мог легко от них драпануть. Однако он несколькими очередями уложил всех и принес на плече 4 автомата и несколько «лифчиков» с магазинами. Один из этих «лифчиков» я носил до конца своей службы в Афганистане.

Сержант Дуюнов из разведывательно-десантной роты разведбата почти час вел огневой бой с окружившими его «духами». Двоих он застрелил сам, троих добила подоспевшие товарищи. Вот так 5 человек не смогли справиться с одним, если этот один был настоящим мужчиной.

Кстати, еще о Дуюнове. Этот ростовский парень из потомственной рабочей династии завода «Ростсельмаш» прослужил в разведбатальоне более 1,5 лет от рядового разведчика до старшего сержанта, заместителя командира взвода. Был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу».

В боевой обстановке я не раздумывая доверил бы ему роту. Перед его демобилизацией я говорил с ним и предлагал поступать в военное училище. С таким комплектом наград его бы приняли в любое их 103 военных училищ СССР. Естественно, куда бы он прошел по здоровью. Он отказался, мотивировав это тем, что ему не нравится профессия военного.

Я, откровенно говоря, был огорчен, он был прирожденным офицером и надежным защитником Родины. Интересно было бы знать его дальнейшую судьбу.

Так как приключений в моей жизни в эти годы было предостаточно, далее я расскажу о них в форме небольших очерков с отдельными сюжетами в хронологическом порядке событий.